
Путь через столетие. Философский подвиг Теодора Ойзермана

И. Т. КАСАВИН

Биографическое предуведомление

Человеческая жизнь протекает в многообразии ситуаций, в котором трудно заподозрить какое-либо единство. Оглядывая прожитые годы, человек иной раз поражается, что все это множество событий, реальных и приснившихся, полузабытых и сомнительных, прошедших искус пересказов и интерпретаций, сохранивших непосредственность переживания, все же относится к одной и той же, его собственной жизни. Нужна дистанция, взгляд со стороны, чтобы в хитросплетении жизненных эпизодов обнаружить судьбу.

Кстати, судьба, в сознании древнего грека (и человека древнейших эпох вообще, для которых столь значимо это понятие), выпадает не каждому. Она, во-первых, производна от предсказания оракула, задается тем самым изначально и известна заранее. Во-вторых, судьба всегда героична, она отделяет простого человека от героя. Что бы она ему ни сулила, герой следует своей судьбе, несет свой крест. В-третьих, судьба трагична, поскольку обрекает на испытания, в которых и разворачивается характер героя. И высшее среди них – это героическая смерть.

Пытаясь обозреть столетний путь Теодора Ильича Ойзермана, невольно вспоминаешь великий роман Василия Гроссмана. Быть может, жизнь и судьба Т.И. Ойзермана когда-нибудь станут предметом историко-биографического исследования; наша же задача сегодня скромнее. Я намечу некоторые ключевые моменты, как сегодня говорят, “точки бифуркации”, определившие интеллектуальную эволюцию философа.

Теодор Ильич Ойзерман родился 14 мая 1914 г. в селе Петроверовка Херсонской губернии, откуда семья вскоре переехала в Новомосковск, небольшой городок под Днепропетровском. Его отцом был директор частной школы, глубоко верующий человек, а после революции – директор народной школы-интерната, руководитель отряда еврейской самообороны в годы гражданской войны. Мать работала учительницей в той же школе (оба преподавали математику). Тодик – так звали мальчика в семье – рано пристрастился к чтению и глотал запоем приключенческую литературу из городской библиотеки. Это негативно влияло на его школьное прилежание: Фенимор Купер и Майн Рид вытесняли изучение таблицы умножения. Когда же мальчика оставили на второй год в первом классе, родители взялись за него всерьез. Отец объяснил, что сын директора школы не может не быть отличником, а мать, бывшая блестящим методистом, продемонстрировала ему всю

прелесть математических операций. Это сработало: Тодик стал учиться. Потом отец внезапно умер, заразившись тифом в командировке, так и не приобщив сына ни к идишу, ни к иудаизму. Поскольку мать к религии относилась индифферентно, мальчик остался практически за пределами собственно еврейской традиции. На похороны отца, который был известным в городе человеком, пришло свыше тысячи жителей. Вскоре после этого мать, Тодик и его маленькая сестра Вера переехали в Днепропетровск.

До четвертого класса мальчик не демонстрировал особых школьных успехов. В то время он уже писал стихи и прозу, безуспешно пытаясь опубликовать свои по-детски незрелые сочинения. Потом случился поворот. Он стал свидетелем героического спасения собачки во время днепровского ледохода и написал об этом проникновенный рассказ, который очень понравился школьной учительнице. С тех пор мальчик окончательно решил посвятить жизнь литературе.

В двенадцать лет он даже прошел своеобразную интеллектуальную инициацию – изучил диалоги Платона. Помню, что когда я в том же возрасте тоже часами просиживал с книгой в руке, Теодор Ильич попытался устроить такую же инициацию и мне. Однако он испытал явное разочарование, потому что я тест не прошел – одолеть Платона мне тогда не удалось.

Атмосфера того времени, когда формировались интеллектуальные интересы молодого Ойзермана, была пронизана духом коллективной работы – на заводе, стройке, поле, даже за письменным столом. Литературные объединения, организатором и участником которых он был, уже тогда высвечивали зарождающийся талант стилиста и полемиста. Итак, его ждет судьба великого писателя – вот как представлял свою будущую жизнь двенадцатилетний школьник, запомнивший мамину расшифровку его имени с греческого – “Божий дар”.

Но не только литература занимала его свободное время: здесь нужно отметить еще одну особенность – многообразие интересов. Мальчик проводил дома физические эксперименты, конструировал фотоаппарат, работал на биологической станции, увлекался гипнотическими опытами, изучал эсперанто, постигал искусство живописи, обожал пешие походы и, конечно, не мог оторвать глаз от “живых картин” Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса в первых кинотеатрах двадцатых годов.

Целеустремленность, как правило, трудно совместима с широтой интересов. Однако уже в четвертом классе маленький Теодор продемонстрировал ее в полной мере: он всерьез взялся за литературное самообразование и учебу. Он решил не просто стать отличником, но даже первым учеником в школе, и ему это удалось. В 1929 г. Ойзерман окончил школу-семилетку с высшим баллом по успеваемости (98%), но в его характеристике стояла формулировка: “к советской власти относится враждебно”. Таково было возмездие за неортодоксальные стишки в школьной стенгазете и самовольный поход на Днепрогэс, приведший к пропуску одного учебного дня. Путь в техникум был закрыт. Однако дальнейшее образование не прельщало начинающего писателя: он должен был приобщиться к социалистической индустриализации, чтобы приобрести необходимый жизненный опыт. Поэтому вместе со своими друзьями он поступил в фабрично-заводское училище Днепропетровского паровозоремонтного завода и гордился тем, что ходит в рабочей спецовке, находится среди рабочего класса, главного класса, как учили в школе.

Итак, обширность интересов, нерелигиозное воспитание, литературные пристрастия, способность целеустремленно трудиться, воодушевленность официальной идеологией на фоне первых столкновений с ее бездушной практикой – вот с каким багажом ученик котельщика и внештатный сотрудник заводской многотиражки “Паровозник” вступал во взрослую жизнь. Впереди были первые публикации в толстых московских журналах, обучение на рабфаке, поступление на философский факультет ИФЛИ, успехи и разочарования на литературном поприще и окончательный выбор научно-преподавательской стези. Т.И. Ойзерман следовал своему призванию не столько благодаря, сколько вопреки окружающей социальной реальности. Ни годы культа личности, ни потрясения великой войны, ни трудности адаптации к мирной жизни не свернули его с избранного пути.

Как случилось, что Ойзерман, начавший жизнь освоением рабочей профессии, мечтавший стать писателем, оказался на философском факультете ИФЛИ? О подлинных мотивах этого события судить трудно. Ясно, что Москва открывала перед молодым человеком из глубинки много возможностей. Не последнюю роль могло сыграть относительно комфортабельное студенческое общежитие (всего четырнадцать коек в комнате!). Уход из котельного цеха можно было оправдать и тем, что настоящий писатель не только должен знать жизнь, уметь описывать быт, но и постигать глубинные причины явлений, т.е. быть хотя бы отчасти ученым, философом. Так или иначе, но это произошло: отныне девятнадцатилетний Ойзерман, уже объявленный чуть ли не врагом народа, живет на передовой идеологического фронта и учится профессии, которая, по словам одного его приятеля, “опаснее, чем истребительная авиация”. И вот, по истечении восьмидесяти лет, мы обращаемся к осмыслению пройденного им пути. При всей условности такого рода типологий рискну выделить пять периодов, которые прошла мысль Ойзермана в контексте многообразных социальных реалий.

Первый этап можно обозначить как восторженно-апологетический. Он характеризует-ся, с одной стороны, увлеченным изучением и изложением произведений классиков марксизма, а с другой – конфронтацией этой интеллектуальной работы с окружающей реальностью. Восторженность позволяла воспринимать действительность как нечто не вполне реальное, как кажимость, случайное искажение подлинного бытия. Так прошло десятилетие 1936–1946 гг., отмеченное работой в журнале “Большевик”, популярными статьями в ряде партийных журналов, агитационно-пропагандистской работой в блиндажах и окопах Второй мировой войны. “Учение Маркса всесильно, потому что оно верно” – вот идеологическое кредо этого этапа эволюции Ойзермана; кредо, которое будет в далеком будущем подвергнуто беспощадному критическому анализу. Однако оно помогало выжить в условиях социального абсурда, когда друзей незаконно бросали в застенки и приходилось каяться за поступки, которые даже не замыслил.

После войны наступил второй этап, связанный с отказом от романтических иллюзий – реальность категорически им противостоит. Напрашивался вывод о радикальном разрыве между марксистской теорией и ее политической практикой, но, не будучи высказанным, он не вполне доходил до сознания. Альтернативой политическому диссидентству была избрана работа: реальное исследование истории марксизма и его предпосылок. Чтение лекций по истории марксистской философии в Московском университете совмещалось с работой над многотомной “Историей философии”, статьями о Канте, Фихте, Шеллинге и Гегеле. Шел процесс осмысления предмета, который на долгие годы определит теоретические интересы ученого. Это был вопрос: как и почему так случилось, что Маркс и Энгельс стали марксистами? Откуда быть пошли их идеи? Сама постановка вопроса о том, что в какой-то момент основоположники могли не быть таковыми, что случившееся – исторический, контингентный, в определенной степени случайный факт, уже было достижением, которое в условиях агонии сталинизма рисковало дорого обойтись автору. На факультете активизировались начетчики и невежды, тешившие свое тщеславие доносами в ЦК и лично Сталину и тормозящие всякую научную работу. Обострялась и общая политическая ситуация в стране. Однако Ойзерман избежал судьбы многих своих современников и защитил докторскую диссертацию в 1951 г. (о том, как все это в какой-то момент висело на волоске, возможно, расскажут иные свидетели). Итогом этого этапа стали две книги, вышедшие в 1955 г.: “Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года” и “Немецкая классическая философия – один из теоретических источников марксизма”. Одновременно он завершил чтение курса по истории марксизма и, став заведующим кафедрой истории зарубежной философии, переключился на исследование западноевропейской философии Нового времени. И вскоре началось издание работ Ойзермана на иностранных языках, что сделало его едва ли не наиболее известным советским философом за рубежом.

Конечно, разделение этапов условно. Подлинным апогеем исследования развития марксизма стала фундаментальная работа, появившаяся лишь семь лет спустя. Этот труд отличался такой степенью основательности и новизны, что немедленно привлек к себе внимание не только отечественных, но и зарубежных специалистов. Переводы на иностранные языки последовали уже на следующий год. Ойзерман в сорок восемь лет стал классиком; иначе, как “классической”, эта книга уже не называлась. Ей были присуждены Ломоносовская и Государственная премии, но главное – с ней пришла настоящая известность, можно сказать, даже слава. Эта книга – “Формирование философии марксизма” (1962).

Вероятно, автор, всегда критически оценивавший полученные им результаты, рассматривал данный итог, на котором иной мог бы успокоиться на всю жизнь, как некоторый вызов. Да, Маркс стал марксистом, это уже установленный факт. Да, удалось раскрыть мысль Ленина о трех источниках и трех составных частях марксизма. Однако предстояло глубже понять саму немецкую классическую и предшествующую ей философию и одновременно сделать это на фоне борьбы с современной “буржуазной” философией и идеологией, противопоставляя блеск классики тщете современности. Отсюда множество статей и брошюр с критикой неотоцизма, неопозитивизма, экзистенциализма, западной социологии и эстетики. Напомню, что в те времена такая критика была, среди прочего, единственным способом донести до читателя, которому были недоступны оригинальные работы, идеи западных философов.

Итак, говорить о наступлении третьего этапа философской эволюции Ойзермана можно, вероятно, с начала 60-х годов, когда еще ощущалась хрущевская “оттепель”, но уже маячила брежневская эра. Началось его серьезное теоретическое исследование истории западной философии и одновременно расцвет кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В это время Ойзерман уже осмысливает историю философии как теоретическое предприятие: появляются его книга “Философия как история философии” (1967) и этапная статья в “Вопросах философии” под названием «О смысле вопроса “Что такое философия?”» (1968, № 11). Им разрабатываются важнейшие проблемы теории диалектического материализма – природа истины и специфика обыденного сознания. Изучение и обобщение истории философии идет в русле подготовки первого многотомного издания И. Канта на русском языке и работы над статьями первой “Философской энциклопедии” – это были проекты, поднимавшие советскую философию на высочайший международный уровень. Размышления об истории в результате приводят Ойзермана к мысли о необходимости метатеории – учения о природе философии, о характере историко-философского процесса. Как раз в данное время и на Западе задумываются об этом – Ойзерман подхватывает мировой тренд и активно участвует в дискуссиях по этой проблематике.

Этой идеей, точнее, новыми историко-методологическими установками, отмечен четвертый этап интеллектуальной биографии Ойзермана: сам процесс развития философии и обуславливает природу философии: определение философии – не логический кунштюк по родовидовому отличию, а теоретический вывод из ее истории. Обоснование данного тезиса было выполнено в двух монографиях, которые превратили Ойзермана из историка марксизма в философа-теоретика. Эти скромные по названиям книги “Проблемы историко-философской науки” (1962) и “Главные философские направления” (1971) открывали новую страницу в марксистском осмыслении природы философского знания. Подтверждением этого было избрание автора членом-корреспондентом АН СССР (1966), пленарный доклад на Всемирном философском конгрессе в Вене (1968), а следствием – переход на исследовательскую работу в Институт философии АН СССР. На немецком языке выходят к тому времени не просто переводы его работ, но объемистые тома оригинальных исследований. Ойзерман как приглашенный профессор читает лекции и проводит исследования в европейских университетах. Не занимая высоких руководящих постов, он, тем не менее, получает широкое международное признание.

Этот период, по сути, находил логическое завершение в работе “Основы теории историко-философского процесса” (1983, в соавторстве с А.С. Богомолковым) и фундамен-

тальном коллективном труде под редакцией Т. Ойзермана “Философия эпохи ранних буржуазных революций”. Однако он мог бы длиться еще долго, если бы не окружающая действительность и возникающая из нее социальная потребность, которая “продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов” (Ф. Энгельс). Грянула перестройка, а с ней пришла новая эпоха.

У проработавшего полвека ученого, впрочем, обычно хватает здоровой инерции, т.е. своих собственных проблем и задач, чтобы не сразу откликаться на вызовы общественного развития. Поэтому продолжают выходить переработанные издания главных книг Ойзермана, его статьи по широкому кругу философских проблем, редактируемые им коллективные монографии. Но вот появляется в “Вопросах философии” его статья “Стратегия ускорения: философские и социологические проблемы” (1986, № 11), и становится ясно: автор пытается осмыслить новые реалии. Как мы помним, курс на “ускорение социально-экономического развития” выдвинул М.С. Горбачев на апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС; он представлял собой попытку старыми методами дать импульс стагнирующему народному хозяйству СССР. Его конец был ознаменован Чернобыльской трагедией. Ойзерману вместе со всей страной предстояло осознать: партия не способна идти в авангарде реформ, нужны новые силы, новые идеи.

Наступает инкубационный период, и наш герой берет что-то вроде тайм-аута для осмысления сложившейся ситуации. Временами проблескивают ростки нового, которые еще трудно различимы на фоне продолжающихся публикаций по известной тематике. Сначала это дань экзистенциальным мотивам, естественным на фоне резких социальных преобразований. Вот статья “Уникальность человеческого бытия” (1988), немедленно переведенная на французский и английский языки. Вот блестящие “Мысли, афоризмы” (“Вопросы философии”, 1990, № 10), привлечшие всеобщее удивленное внимание – оказывается, в наши дни еще можно так мыслить и писать! Однако время, отпущенное самому себе для пересмотра собственных теоретических установок, истекает. Сумерки, призывающие сову Минервы, вот-вот наступят.

За месяц до августовского путча в “Вестнике АН СССР” (через год он уже превратится в “Вестник РАН”) появляется первая статья Ойзермана, открывающая новый, пятый этап его творческой эволюции: “Остаются ли неизменными законы капитализма?” (1991). Вслед за этим, буквально накануне переименования журнала “Коммунист”, идеологического рупора КПСС, в “Свободную мысль”, в нем начинается публикация серии статей Теодора Ильича, которые фактически провозглашают программу самокритики марксизма. Это “Изменяется ли марксистское понимание социализма” (1991), “Принципиальные основы самокритики марксизма” в двух частях (1993), “О ленинской интерпретации марксизма” в двух частях (1996), “Марксизм и утопизм” в двух частях (1998) и “Марксизм как идеология” в двух частях” (1999). Одновременно в “Вопросах философии” идет публикация статей, в которых переосмысливаются основы диалектического и исторического материализма. Наконец, накануне девяностолетия Ойзермана выходит солидный том “Марксизм и утопизм” (2003), и те, кто еще не читал его статей, имеют теперь возможность убедиться: настоящему ученому возраст не помеха.

Внешнему наблюдателю остается только гадать о тайне внутренней трансформации, которую претерпели представления Ойзермана о философии, о марксизме, об обществе, в котором мы живем. Мыслям, которые копились десятилетиями и которым он не давал воли, теперь стало просторно, но они, испытавшие все прелести цензуры, сохранили взвешенность и ответственность. Новые и даже чересчур смелые (по мнению многих его коллег) мысли по-прежнему существовали в форме научно обоснованных и исторически фундированных положений. На фоне лозунгов, шараханий и криков, которыми разразились иные гуманитарии в эпоху вседозволенности, они выглядели анахронизмом. Ойзерман попал между Сциллой и Харибдой. Ортодоксальные марксисты ругали его за ревизионизм и предательство идеалов; либералы считали, что марксизм не заслуживает столь наукообразной критики и должен быть просто отброшен и забыт.

Однако среди настоящих академических ученых нашлось немало таких, кто по достоинству оценил философский подвиг Ойзермана. Развернулось публичное обсуждение

его трудов на страницах профессиональных журналов. А Ойзерман, при всеобщем удивлении, продолжал свое дело. С завидной периодичностью из-под его пера (в буквальном смысле – он не пользуется компьютером) выходят все новые исследования. Среди них – “Оправдание ревизионизма” (2005), в котором дается переосмысление тех марксистских течений, которые с легкой руки Ленина были заклеены и выведены из научного оборота. При этом Ойзерман показывает универсальность и позитивность понятия “ревизионизм” – без ревизии, постоянного пересмотра нет развития науки. Затем следует книга “Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования” (2008), подводящая итог многолетним историко-философским штудиям автора. Все это, наконец, оказывается достоянием широкой общественности: в 2008 г. Ойзерман становится – первым и до сих пор единственным среди философов – лауреатом престижной премии “Триумф”.

И вновь – свое девятидесятилетие он отмечает оригинальным трудом, в котором обосновывает свое понимание природы философского знания – “Амбивалентность философии” (2011). Это происходит на фоне издания еще двух томов, общим объемом свыше 1000 страниц. Они содержат переработанные им произведения 40–50-летней давности (“Метафилософия: теория историко-философского процесса”, 2009 и “Возникновение марксизма”, 2011). Теперь, кажется, его ближайшие планы реализованы, но он уже задумывается об издании собрания своих сочинений, параллельно опубликовав-pocketбук “Размышления. Изречения” (2012) и работая над книгой воспоминаний.

Философия, как принято считать, начинается с удивления: по Канту, либо звездным небом над нами, либо нравственным законом внутри нас. Но и всякий настоящий философ – это уникал, вызывающий глубокое удивление. Ведь философия не делается с наскока, она требует всей жизни, испытывает на прочность целеустремленность человека, открытость новому, наконец, талант.

Что такое талант? На этот вопрос Ойзерман отвечает так: это десять процентов способностей, десять процентов удачи и восемьдесят – каждодневного труда. Для меня его пример – не для подражания; это, скорее, вечный безмолвный укор в лени и легком отношении к жизни, которые обычному человеку не удастся преодолеть. Но этот укор – вместе с тем и урок, который нужно затвердить на остаток жизни: в этом мире все еще многое зависит от тебя, ты можешь стать выше обстоятельств, только нужно, как поется в песне, быть “спокойным и упрямым”. Песен о философах не поют, но иногда складывают легенды. Кажется, что Ойзерман уже стал таковым – Философом с большой буквы, человеком-легендой. Если в начале жизни человек последует своему призванию, то в конце концов может наступить момент, когда призвание найдет себе оправдание в его жизни. Герой своей биографией доказывает неизбежность судьбы. Сократ (и он был не одинок в этом) своей жизнью и смертью оправдал существование философии.

Сегодня она жива благодаря таким, как Теодор Ильич Ойзерман.